

28 МАР 1912

ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСК

● АКТЕРСКИЕ ДЕБЮТЫ

СВОЙ ПОЧЕРК

ТЕАТР

В Свердловском драматическом театре — новый актер. Впрочем, свердловчане, возможно, помнят его — когда-то он играл у нас в ТЮЗе. И все же сейчас знакомство происходит заново: Владимир Кадочников предстает перед нами в пору своей творческой зрелости. Первые встречи произошли одна за другой — на голубом экране и на сцене, ставшей ныне ему родной. Обе — в содружестве с молодым режиссером И. Южаковым.

В водевиле Н. Некрасова «Под псевдонимом» В. Кадочников продемонстрировал разнообразие своего дарования. Водевиль построен на трансформациях главного персонажа — актера Ореста Петровича Стружкина, которого хочет сделать посмешищем самоуверенный русский барин. Достоинство Стружкина оскорблено, и он решает расквитаться с обидчиком доступными ему средствами, переодеваясь то старухой-помещицей, то торговцем-татаринцем, то шарлатаном-итальянцем. Все это передается исполнителем со вкусом, заразительно и легко. Словом, в специфике солнечного водевиля жанра.

В комедии Э. Брагинского и Э. Рязанова «Служивцы» задачи актера сложнее. Впрочем, это он сам, в соответствии с природой своего дарования, выбирает для себя наиболее сложный путь. Добрый смех и улыбка зрителей рождаются не из лихого обыгрывания комических ситуаций, не из эксцентрики, а из самой сути много-

гранно раскрытого человеческого характера.

С первых же сцен «Служивцев» видишь тихого, внешне весьма заурядного человека, вместе с тем очень трогательного в своем замешательстве перед сложностью жизни. Жена от него ушла, с детьми столько забот... И так как дети малы, у Новосельцева, как и у его одинокой начальницы Людмилы Прокофьевны, нет соседа дома. Вот и привык он мысленно беседовать... с самим собой. Он оброс этими маленькими чудачествами. Чтобы не отвлекаться, например, от работы, нет-нет да и начинает прищепывать, читать документ, над которым корпит. Но хватает Новосельцева ненадолго, он замирает, задумывается: вот Вовка снова порвал ботинки, значит, надо добыть где-то двадцать рублей...

Новосельцев Кадочникова мягко душой, внимателен к ближнему, но эти его прекрасные качества может оценить лишь соседка по кабинету, его бывшая соученица Ольга Петровна Рыжова, сама обремененная семейными заботами. И все же актер акцентирует внимание не на житейских неурядицах, а на другой, основной, по его мнению, причине, по которой Новосельцев решил, по совету приятеля, «приударить» за «мымрой»-начальницей. Его оскорбляет ее отношение к нему, как к вещи, как к неживому предмету. — Он, видите ли, столь сер и плох, что не в состоянии толком составить обыч-

ного отчета, не говоря уж о том, чтобы возглавить отдел. Он сквитается с ней, покажет, что он выше ее, в которой не сохранилось ничего человеческого!

Такое объяснение поступка Новосельцева — тонкий и правильный ход артиста, и он сразу же поднимает в наших глазах героя на недостижимую для «мымры»-Калугиной высоту. Отпор со стороны Людмилы Прокофьевны лишь раздражает Анатолия Ефремовича и вдохновляет на новые «подвиги» — и вот он с безрассудством фанатика бросается головой в омут — читает «мымре» стихи, с остервенением отплясывает «Цыганочку», а в заключение бросает ей прямо в лицо: «Вам, товарищ Калугина, не нравится, как я читаю стихи, как я пою, как я танцую! Потому что вы сухарь! Вы бездушная, черствая...» Вы, мол, уважаемая начальница, можете измываться надо мной, как хотите, но нет в вас того, что есть во мне, чем я горжусь, ибо в этом своем человеческом, главном я выше вас...

Да и не только в описанной сцене игра актера неоднозначна и интересна. Новосельцев симпатичен нам своим душевным богатством, внутренней тонкостью. А разве не об этом вся пьеса? Разве не взывает она ко всем нам: уважайте в себе и других человеческое, не стесняйтесь, не прячьте его — в этом ваше богатство и ваша ценность.

Вот почему важнейшей (и

одной из лучших в спектакле) становится в исполнении Кадочникова и А. Матер-Лашинной (Калугина) сцена внезапных слез «сухаря» Людмилы Прокофьевны. Калугина А. Матер-Лашинной рассказывает о горечи своей одинокой жизни как-то вдруг вся притихшая, такая беззащитная и нуждающаяся в поддержке, что Новосельцев, сидящий перед ней, слушает ее, весь подавшись вперед. И в ответ на звонок телефона, стоящего на столе, не грубит позвонившему так не к стати, а мягко останавливает его: «Она занята! Министр? Ей сейчас не до министра». Перед ним происходит нечто более важное, чем привычные деловые заботы...

Эту тему освобождающей человечности чутко ведут актеры до конца спектакля. Интересно найден и финал, когда перед нами словно бы оживает смысл пословицы: «Милые бранятся — только тешатся». Поняв, что никакие наветы недоброжелателей не могут помешать их счастью, ибо оно прочно уже поселилось в них, наши герои словно бы пародируют известную сцену из шекспировского «Укрощения строптивой». Их мнимая ссора — сражение двух характеров, сильных, эмоционально богатых, цельных. Ни один из них в их союзе не уступит своего «я», а значит, союз этот будет подлинно равноправным и прочным.

...Каковы будут следующие роли В. Кадочникова на сцене драмтеатра, где, как нам кажется, он придется весьма «ко двору»?

Ю. МАТАФОНОВА.